

Дом номер четыре по Тисовой улице, Литл-Нынч казался совершенно нормальным домом. Хотя внешность может быть обманчивой. Маленький истощенный мальчик с непослушными черными волосами, скрывающими шрам в виде молнии, неестественно неподвижно лежал на своем тонком матрасе. Тот факт, что матрас был в шкафу под лестницей дома с четырьмя спальнями, был совсем не нормальным. Принимая во внимание, что дверь шкафа заперта снаружи, службы защиты детей всего мира будут кричать о защитном вмешательстве, чтобы забрать этого ребенка из его тюрьмы.

Когда сотрудники соцзащиты затем обнаружат причину, по которой он лежит в таком неудобном положении, он должен попытаться облегчить боль от сломанной руки и сломанных ребер, которые были подарком от его тучного дяди, место будет кишеть полицией. Упомянутому дяде скоро предоставят новую спальную комнату, закроют и, будем надеяться, с крупным джентльменом по имени Бабба в качестве сокамерника.

К сожалению, дядя-садист свел свои оскорбления к изящному искусству и приберег свои особые побои на школьные каникулы, ведь еще несколько недель никто не собирался видеть юношу.

Он пролежал там молча и неподвижно несколько часов. Его порочный дядя применил это последнее наказание за какой-то фиктивный проступок с его стороны. Его бросили в чулан до того, как тучный страж сел обедать. В доме уже давно было тихо, так как все, кроме него, спали. Боль не давала ему закрыть глаз и уснуть, ведь дядя ранее зажал левый кулаком. Он услышал, как местные церковные часы пробили полночь, и слезы хлынули по его щекам, даже тот, кто стоял, прислонив ухо к внешней стороне дверцы его шкафа, не услышал бы тихий плач.

«С Днем Рождения меня, с Днем Рождения меня, с Днем Рождения, дорогой Гарри, с Днем Рождения меня».

Судьбу во многих случаях называли жестокой стервой и даже хуже, и она была бы первой, кто признал бы, что в большинстве этих случаев это было более чем оправдано. Что-то в этом ребенке потянулось к ней и потребовало каких-то действий. Она хорошо знала об испытаниях и невзгодах, с которыми этот ребенок столкнется в дальнейшей жизни. Если он не получит какой-то системы поддержки людей, которые скоро проявят к нему любовь, то ребенок не выживет. Судьбе были известны последствия, если этот парень не исполнит свое предназначение, она не могла поверить в глупость некоторых смертных, которые поместили предсказанного ребенка в среду, где к нему проявляли только ненависть и нетерпимость.

Ей предстояло произвести некоторые манипуляции, чтобы мальчик встретил своих самых верных друзей на несколько лет раньше, судьба собиралась наделить его дополнительными способностями, но, как всегда, за это пришлось заплатить. Вещи должны были быть убраны, чтобы сбалансировать книги, так сказать, жизнь была связана с балансом, и в данный момент она балансировала на грани. Этому ребенку, который был защитником света, нужно было проявить любовь, прежде чем мерцающее пламя внутри него погаснет навсегда, иначе тьма воцарится на тысячелетие.

Он получит первую из трех сегодня вечером, ждать дольше было чистой глупостью. Приняв решение, судьба отступила на второй план, наблюдая за развитием событий.

Мальчик в чулане закончил свою единственную песню, но теперь мог слышать самое сладкое пение, какое только можно вообразить. Этот звук был настолько странным, что его можно было считать почти волшебным, он, казалось, вызывал в нем чувство, которое было совершенно чуждым. Это называлось надеждой!

Он становился все громче и громче, пока он не убедился, что голодный бегемот с грохотом скатится вниз по лестнице, чтобы свалить вину на него, что, конечно же, означало еще одно обязательное избиение.

Вспышка пламени позже, и самое удивительное зрелище, которое Гарри когда-либо видел, теперь было в его шкафу. Он генерировал достаточно света, чтобы осветить всю улицу, но самое странное было то, что он мог понять, о чем поет это существо.

Она сказала, что ее зовут Хедвиг и что она феникс, но, что более важно, ЕГО феникс. Она будет его постоянным спутником и другом до конца его жизни. Слезы Гарри лились ручьем, глядя на это величественное существо, придавшее новое значение термину «белоснежный», то, что она хотела быть его другом, было чересчур для обиженного юноши. Он чувствовал, что его плач, должно быть, разозлил Хедвиг, потому что она тоже начала плакать. Когда ее слезы начали падать на него, произошло чудо, его раны начали заживать.

«Расслабься, моя цыпочка, я облегчу твою боль»

Гарри слышал слова так ясно, как будто они были сказаны. Его раненый глаз снова открылся, рука и ребра срослись, и он снова мог нормально дышать.

Он вдруг забеспокоился о своем первом друге. «Мы должны вести себя тихо, иначе придет мой дядя, я поражен, что его еще нет».

— Никто в доме ничего не слышит, и мы скоро уйдем отсюда. У вас есть какие-нибудь вещи, которые вы хотели бы взять с собой?

Гарри протянул руку и схватил маленькое одеяло, в которое он был завернут, когда его оставили на пороге. «Я готов, когда ты будешь Хедвиг». Мальчик понятия не имел, куда идет, но был уверен в одном: все должно быть лучше, чем это.

Во вспышке пламени Гарри Поттер навсегда покинул Тисовую улицу.

В кабинете директора Школы ведьм и волшебников Хогвартс крошечный серебряный инструмент начал издавать пронзительный визг. Эта тревога осталась без внимания, так как были школьные каникулы, в офисе никого не было и не будет ближайшие две недели.

Маленькая сигнализация работала три дня, прежде чем замолчать. Альбус Дамблдор испытал сильнейший шок, когда в следующий раз проверил мониторы, которые прикрепил к брошенному младенцу.

Хедвиг поместила Гарри в центр вестибюля, где к нему тут же обратилось еще одно странное существо. Этот был примерно того же роста, что и Гарри, с длинными заостренными ушами и глазами размером с теннисный мяч. Хорошо, что Хедвиг уже вылечила его ребра, потому что существо, в настоящее время обнявшее его обеими руками, казалось, пыталось свести на нет работу своего нового друга.

"Мастер Гарри вернулся домой!" Он/она/оно воскликнул: «Посмотрите на состояние моего ребенка, миссис Лили отдала бы свою палочку тому, кто сделал это с ее мальчиком».

Гарри был уверен, что теперь это была она, когда она взяла его за руку и направилась к большой лестнице, прежде чем он остановился. — Простите, не хочу показаться грубым, но где я и кто вы? Вы знали моих родителей?

«Меня зовут Кас, и я домовый эльф Семьи Поттеров, ты в поместье Поттеров — твоём доме. Ты родился здесь и жил здесь со своими родителями, пока противный волшебник не заставил их спрятаться. Нам нужно вытащить тебя из этой отвратительной одежды. , в ванну, потом ужин для молодого господина Гарри.

У Гарри был миллион вопросов, крутившихся в его голове, его родители, его дом, домовый эльф, феникс, палочка матери и противный волшебник были темами в верхней части списка. Его воспитание у Дурслей научило его осторожно задавать вопросы. Вопросы неизменно приводили к оскорблениям того или иного рода, Кас упомянул ванну и еду, которые он не хотел подвергать опасности, поскольку он остро нуждался в обоих.

«Тебя больше никогда не побьют, Гарри» , — голос Хедвиг звучал у него в голове, и боль и горе звучали в каждом слове, могла ли она читать его мысли?

«Это не чтение мыслей, но мы сможем говорить так, чтобы другие не услышали».

Это так здорово, подумал Гарри, друг, с которым он может поговорить, и никто другой его не услышит. Была ли Хедвиг воображаемой подружкой? Не нанес ли дядя слишком много ударов по голове?

«Ты в порядке, Гарри, и это действительно твой новый дом, побереги все свои вопросы до утра, и на все они будут даны ответы».

Кас вел его вверх по лестнице и по коридору, где она вела в самую большую спальню, которую он когда-либо видел, она была больше, чем весь верхний этаж дома Дурслей. Хедвиг уселась на спинку стула, а Кас повел его в ванную комнату с чем-то вроде бассейна посреди пола.

Кас добавлял вещи в огромную ванну, которая создавала пузырьки всех цветов, вода наполнялась удивительно быстро. Гарри было стыдно раздеваться перед эльфийкой, но она настояла, утверждая, что каждый стежок, который он носил, будет сожжен.

Слезы ослепили маленькое существо, когда она увидела состояние тела своего молодого хозяина. Эльфы послушны по своей природе, но Кас знал, что она без колебаний причинит боль мерзкому существу, которое могло совершить такие зверства против осиротевшего ребенка. Она помогла своему господину войти в ванну и очень осторожно вымыла ему волосы, чувствуя шишки и шишки от многочисленных побоев. Кас ушел готовить ужин, который должен был быть легким из-за его недоедания. Она также должна была добавить пару зелий, чтобы увеличить его силу до уровня, который должен быть для его возраста. Верная эльфийка поклялась, что любой, кто хочет навредить ее молодому хозяину, должен будет сначала убить ее, как какое-либо животное могло обращаться с детенышем таким образом, было выше ее понимания.

Гарри понятия не имел, что Кас добавил в воду, но это облегчило его боли до такой степени, что он почти заснул, только ожидание обещанной еды не давало ему уснуть. Когда он выходил из ванны, его ждали горячие пушистые полотенца и пара темно-красных пижам, на кармане которых была эмблема, похожая на нечто среднее между львом и орлом. Они также были сделаны из шелка и действительно подходили ему.

Кас накрыл стол в своей комнате, но ему пришлось выпить несколько зелий, прежде чем ему разрешили бульон и свежеспеченный хлеб. Съев каждый кусочек, он улегся на кровать с балдахинном, на которой могло бы поместиться шестеро дядюшек Вернона. Теперь перед сном возникла ненужная ему мысль. Кровать его тети была «королевского размера», поэтому Гарри подумал, что это, должно быть, «верховный правитель вселенной» или что-то в этом роде. Когда боль и голод утихли, и он оказался в самой удобной постели, какую только можно вообразить, Гарри вскоре заснул. Он решил, что если это сон, то он просто будет наслаждаться им.

Проснувшись утром, Гарри боялся открыть глаза, он не думал, что сможет справиться с разочарованием от того, что снова оказался в шкафу. Голос в его голове, в котором он теперь узнал Хедвиг, успокоил его.

— Тебе больше никогда не придется возвращаться в это место.

Гарри открыл глаза и увидел Хедвиг, все еще сидящую на кончике стула, когда Кас выскочил из ниоткуда и поставил свой завтрак на тот же стол, что и прошлой ночью. Аромат, исходящий от тарелок, заставил его принять очень легкое решение: сначала поешь, а потом задавай вопросы. Он был почти прав, за исключением того факта, что Кас приготовил для него зелье еще до того, как он прикоснулся к еде.

Тарелка с хлопьями, а затем яичница-болтуня, бекон, колбаса и тосты оказались слишком для Гарри, пока Кас не заговорил. «Молодой господин, нет нужды заставлять его. Еда всегда будет доступна в этом доме, вам нужно только попросить».

Гарри замедлился, выпил свой фруктовый сок и наслаждался, вероятно, лучшей едой, которую он когда-либо ел в своей жизни. Это уже был его лучший день, и его день рождения в придачу, девять лет выглядели намного веселее, чем восемь.

«Я оставил одежду на твоей кровати, чтобы ты могла ее носить. Это была одежда твоего отца, которую я подогнал по размеру, пока мы не сможем пойти по магазинам.

Кас исчез прямо на глазах у Гарри, но он был слишком потрясен, чтобы даже заметить, что на нем была пижама отца, и теперь он собирался одеться. Теплое сияние разлилось по всему его телу при мысли о том, что он соприкоснется с чем-то, что носил его отец, лишая его знания о своих родителях, возможно, за эти годы больше, чем побои голодного бегемота.

Он оделся, и когда Хедвиг сказала, что встретит его там внизу, он открыл дверь комнаты и увидел, что его ждет Кас. Эльф взял его за руку и повел вниз по широкой лестнице. Прошлой ночью Гарри не обращал особого внимания, но сегодня утром он проснулся, этот дом выглядел и ощущался больше как дворец, который был красивее, чем он мог описать словами. По словам Каса, это был его дом. Кто бы здесь ни жил, должно быть, он очень богат. Где-то должна была быть ошибка, потому что у него не было двух пенни на счету.

Они подошли к огромной библиотеке, в которой, помимо тысяч книг, был читальный зал со столами и стульями. В комнате, однако, преобладал массивный камин, в который мог бы войти взрослый. Над ней была картина пожилой пары, которая выглядела смутно знакомой. Сердце Гарри почти перестало биться, когда джентльмен на картинке не только пошевелился, но и заговорил с ним.

«Привет, Гарри, я твой дедушка, Джонатон Поттер, а эта прекрасная юная леди рядом со мной — Марта, твоя бабушка».

Первым побуждением Гарри было убежать, но вид Каса и Хедвиг, которые вели себя так, будто картина, разговаривающая с тобой, была обычным явлением, удерживал его на месте. Он доверял им обоим, чтобы спасти его от любого вреда, поэтому он не мог быть в какой-либо опасности.

Во всяком случае, Гарри Поттер был вежливым молодым человеком. «Здравствуйте, сэр, я никогда раньше не разговаривал с картиной и не знал, что это вообще возможно. Я очень рад познакомиться с вами, но хотел бы узнать, не могли бы вы рассказать мне, что происходит? родители были никчемными бездельниками, которые погибли в автокатастрофе, но Кас говорит, что этот дом мой, как такое возможно?»

Джонатон обнял расстроенную Марту. «Гарри, ты никогда не должен был оказаться в этом доме, и ты определенно не вернешься. Поттеры — благородная и древняя семья, мы также довольно богатая семья, как ты можешь видеть, оглядываясь вокруг. Ты, мой мальчик, последний из Поттеров, и из-за этого он унаследует все. Это включает в себя получение титула лорда Поттера в день вашего одиннадцатого дня рождения, который, если я не ошибаюсь, составляет два года в день.

"С Днем Рождения, Гарри!" — сказала его бабушка, заставив Гарри улыбнуться. Он не был уверен, было ли это из-за его первого «счастливого дня рождения» или из-за того, что у него были бабушка и дедушка, даже если они были картиной.

«Гарри, нам нужно многое тебе рассказать, но самое важное на данный момент — это то, что магия реальна, а ты волшебник».

Гарри был погружен в свои мысли глубже, чем когда-либо был любой девятилетний ребенок. С его точки зрения, у него было два варианта. Он мог решить не верить в магию, вернуться в свой шкаф и провести остаток своей жизни, уворачиваясь от голодного бегемота-младшего и его товарищей-хулиганов. К черту это. Другой вариант — поверить в магию, стать очень богатым лордом Поттером и жить в этом сказочном особняке. Его выбор был очевиден, я верю в волшебство, я верю в волшебство, верю, верю, верю!

Тот факт, что он разговаривал с картиной, с одной стороны от него был домовый эльф, а с другой — его феникс, также мог повлиять на его решение.

«Хорошо, дедушка, я волшебник, но что это значит?»

«Это означает, что ты можешь колдовать, мой мальчик. Положи руку на гребень в центре камина и скажи «открой», это сработает только для Поттера».

Гарри сделал, как его попросили, и сбоку от камина открылась большая панель, вдоль которой стояли стойки с палками, но он чувствовал, как темно-красная одна из них почти зовет его. Он протянул руку, и палка влетела в его хватку.

«Вау, Гарри, я думаю, ты будешь более могущественным, чем мы даже думали. Это сочетание красного дерева и пера феникса, для использования которого потребуется много силы, не говоря уже о беспалочковом призыве в девятилетнем возрасте». Джонатан был впечатлен.

Когда палочка летела ему в руку, Гарри чувствовал себя более живым, чем когда-либо за свою короткую жизнь. Он почувствовал, как сила просто захлестнула его, когда палочка выбрала своего волшебника. Искры всех цветов вылетали из конца и образовывали в воздухе красивые узоры. Гарри не сказал ни слова, пока палочка гудела в его руке, точно настраиваясь со своим хозяином.

«Гарри, я хочу, чтобы ты попробовал очень простое заклинание». Марта бросила на Джонатона взгляд, который ясно указывал на то, что она думала, что он толкает мальчика, Джонатан просто проигнорировал ее, хотя знал, что позже придется заплатить цену.

«Вы держите свою палочку и говорите «люмос», и из вашей палочки должен исходить яркий свет. Чтобы закончить заклинание, слово «нокс». Хочешь попробовать?»

Дать девятилетнему мальчику палочку и спросить, не хочет ли он попробовать себя в магии? дох! Гарри вытянул палочку и очень четко произнес: «Люмос».

Свет, льющийся из кончика палочки, осветил всю комнату, он очень быстро произнес команду «Нокс», прежде чем повернуться к портрету. «Правильно ли я поступил? Это то, что должно было случиться?»

Джонатон сиял, он никогда не видел более мощного первого заклинания. Его внук должен был стать очень могущественным волшебником. «Гарри, это было блестяще, теперь присаживайся, и мы можем поговорить. Посмотрим, на сколько из твоих вопросов мы сможем ответить».

Они часами разговаривали, и Кас, в конце концов, принес обед Гарри в библиотеку. Он узнал о своих родителях, магглах и магии, а также о сотне других вещей, о которых ему никогда не разрешалось спрашивать Дурслей. Он также был рад обнаружить, что часть поместья была оборудована для маггловской техники с уже установленными телевизором и телефоном. Его бабушка не могла не заметить грусти на его лице, когда сказала, что это позволит ему привести к себе своих маггловских друзей.

«У меня нет бабушки друзей, мой двоюродный брат и его банда избивали любого, кто говорил со мной».

«Джонатон, мы просто должны что-то сделать с этими людьми, я не допущу, чтобы с моим внуком плохо обращались, и позволю виновным избежать наказания».

— Способ есть, но нам понадобится помощь Каса и, возможно, Гарри тоже.

— немедленно ответил маленький домовый эльф. «Я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь хозяину Гарри. Если плохой человек будет наказан, Кас будет очень счастливым домашним эльфом».

— Что ты задумал, дедушка? — спросил Гарри.

Человек, записавший подробности, подумал, что звонившая, должно быть, очень нервничала, раз ее голос стал таким писклявым, она понятия не имела, что звонивший был домашним эльфом и что девятилетнему волшебнику приходилось держать трубку, чтобы она могла говорить. говорить в.

«Позвольте мне просто проверить, правильно ли я записал все детали, вы думаете, что ребенок на вашей улице подвергается насилию со стороны своего дяди, и мальчика не видели больше недели? Мальчика зовут Гарри Поттер, и он живет с Дурслями в доме номер 4 по Тисовой улице?»

Скрипучий голос подтвердил, что это было правильно, и тут же повесил трубку. Детали были

помещены в красную кодовую форму и немедленно переданы в отдел социальной работы с рекомендацией взять для проверки полицейский эскорт. Звонивший сказал, что у дяди вспыльчивый характер.

Мальчик в бейсболке цеплялся за своего эльфа, как защитное одеяло, Гарри никогда нигде не был, а виды, звуки и ароматы Косого переулка подталкивали его к сенсорной перегрузке. Только рука Каса, крепко сжимавшая его, и ее постоянные объяснения всего, что они видели, не давали Гарри свернуться в клубок и заткнуться.

В зверинце волшебных животных были крысы, которые танцевали чечетку, змеи, которые говорили с ним, и совы всех форм, размеров и цветов. Они купили жердочку для Хедвиг, и Гарри с изумлением наблюдал, как она исчезла в сумке для покупок, сумке, в которой, как объяснил Кас, легко поместятся все их покупки сегодня.

Следующая остановка была для одежды, где он стоял на небольшой платформе и измерял каждую часть своего тела по крайней мере дважды плавающей рулеткой. Кас попросил добавить ко всему талисманы для определения размера, так как он немного подрастет.

Когда они вышли из магазина, Гарри почувствовал странную потребность пройти по определенному переулку и потащил Каса за собой. Они нашли маленькую белокурую девочку, сидящую на ступеньке дверного проема с книжкой-раскраской на коленях. Они молча смотрели, как она сосредоточилась на своей задаче. Гарри заметил, что она раскрашивает предмет, какое-то экзотическое волшебное животное, а не сам предмет. Помимо того факта, что он никогда не видел такого животного или кого-либо, раскрашивающего таким образом, яркие и живые цвета, которые она использовала, казалось, выделяли животное еще больше.

Он зачарованно наблюдал, прежде чем решил, что ему нужно поговорить с этой девушкой: «Привет, меня зовут Гарри».

Ее глаза были подобны жидкому серебру, когда она взглянула на мальчика. «Извини, но моя мама сказала, что мне нельзя разговаривать с незнакомцами, но раз ты назвал мне свое имя, значит, ты больше не незнакомец. Привет, Гарри, меня зовут Луна, Луна Лавгуд».

Гарри задавался вопросом, позволяет ли магия дышать через уши, потому что Луна сказала все это сразу и даже не запыхалась.

Кас начал волноваться. «Мастер Гарри, нам еще нужно кое-что купить».

— Луна может прийти в себя? Гарри не мог этого объяснить, но эта девушка была важна для него.

Кас колебался, но она увидела мольбу в глазах своего молодого хозяина. «Сначала ей нужно спросить разрешения у родителей».

Луна повернулась и крикнула в дверной проем. «Папа, я иду по магазинам с моим другом Гарри».

Изнутри раздался голос, который крикнул в ответ. «Хорошо, лепесток, но не покидай Аллею».

Она обернулась и увидела ошеломленного Гарри. Она гадала, что случилось, пока он тихо не задал вопрос.

— Я твоя подруга Луна?

Блондинка выглядела растерянной. "Конечно, ты Гарри, если ты не хочешь им быть?"

Улыбка, осветившая все лицо мальчика, была всем ответом, в котором она нуждалась.

Когда она взяла его за руку, Гарри почувствовал легкое покалывание, пробежавшее по его руке. Не имея предыдущего опыта, с которым можно было бы сравнить это, Гарри просто решил, что это нормально. — Просто у меня никогда раньше не было настоящего друга.

Луна закатила глаза. «Все в порядке, Гарри, у меня тоже есть несколько воображаемых друзей. Мы можем представить их друг другу позже».

Он шел вприпрыжку по улице, рука об руку со своим первым другом, пока они заканчивали покупки. Гарри думал, что этот день не может быть лучше, когда Кас указал им в сторону кафе-мороженого и доказал, что он ошибался.

Когда перед ним поставили красивое мороженое с мороженым, у Гарри на глазах выступили слезы. На вопрос Луны «почему он плачет» последовал шепот.

«Это лучший день рождения, который у меня когда-либо был!»

Маленькая блондинка поцеловала его в щеку. «С днем рождения, Гарри. Хотел бы я знать и сделать для тебя что-нибудь, даже если бы это была всего лишь открытка».

Теперь Гарри яростно краснел. «Было бы неплохо, у меня никогда раньше не было карты».

Луна сжала его руку, которую они так и не отпустили с момента знакомства, а Гарри был вполне счастлив есть мороженое левой рукой. «Я сделаю тебе открытку для следующей встречи, мы встретимся снова, не так ли?»

Он с энтузиазмом кивал головой. — О да, я хочу снова увидеть тебя завтра.

«Гарри, прости, но я провожу один день в офисе моего отца и один день дома, где работает мама. Я могу встретиться с тобой на следующий день, если хочешь?» Гарри мог только кивнуть, надев то, что быстро стало его «улыбкой Луны».

Кас не хотел прерывать это, но у них все еще были дела. «Мастер Гарри, нам еще есть что купить в маггловском мире».

Они отвезли Луну обратно в офис ее отца и пообещали друг другу, что послезавтра снова встретятся. Луна подумала, что это даст ей время поработать с родителями, чтобы снять ограничение «оставаться в переулке».

Пока Гарри и гламурный Кас направлялись в маггловский мир, два социальных работника в сопровождении пары полицейских звонили в дверь дома номер четыре по Тисовой улице.

-00000-

Петунья Дурсль чуть не обмочилась, когда увидела, кто звонил им в дверь, но все жидкости ее тела обратились в лед, когда причина, по которой они оказались у ее порога, проникла в ее мозг.

— Миссис Петунья Дурсль? Мы здесь сегодня, чтобы провести оценку благосостояния вашего племянника Гарри Поттера. Нам поступил тревожный телефонный звонок, и по закону мы обязаны провести расследование. Сержант полиции Джон Кроу был в этом деле опытным человеком, хотя реакция его женщины кричала ему, что что-то не так, он оставался профессионалом. Если бы они причинили боль этому ребенку, они бы пошли ко дну. «Я уверен, что это ничего, но мы должны поговорить с мальчиком, чтобы мы могли зарегистрировать звонок как розыгрыш».

Петунья была в панике. «Извините, офицер, но его сейчас нет дома».

Из комнаты, похожей на кухню, донесся детский голос. «Мама, ты знаешь, папа сказал, что урод должен был оставаться в его шкафу по крайней мере два дня. Он рассердится, если узнает, что ты его выпустила».

Четверо, которых подтолкнула огорченная женщина, нашли ребенка, сидящего за кухонным столом и жующего, словно пробуящегося на роль в детской песенке, только на этот раз падению должны были подвергнуться родители Шалтая.

Элис Дженкинс была социальным работником в течение двенадцати лет, она была там именно потому, что в телефонном звонке говорилось, что мальчик подвергается насилию со стороны своего дяди, поэтому было больше шансов, что он поговорит с дружелюбным женским лицом. Она была там не только потому, что была женщиной, поскольку Элис просто чертовски хорошо справлялась со своей работой.

Она села и начала разговор с все еще едящим устройством для утилизации отходов жизнедеятельности человека: «Привет, сынок, как тебя зовут?»

Слово «Дадли» появилось между слоями шоколадного торта, который он сейчас пытался проглотить.

Элис любезно продолжила: «Дадли, ты знаешь, где Гарри?»

Мальчик, казалось, боролся, хотя и не с тем, стоит ли ему отвечать, скорее, простой вопрос сбил его с толку. «Ну, он должен быть в шкафу, но мама сказала, что его нет дома, так что я не уверена».

Алиса привыкла говорить приятным голосом, в то время как ее внутренние органы были в смятении, она получала очень сильные вибрации, что это может быть плохо: «Где этот шкаф, Дадли?»

Палец, покрытый шоколадом, указал на дверь шкафа под лестницей, на которой все могли видеть висячий замок. Петунья, наконец, оправилась от потрясения и уже собиралась сказать Дадли, чтобы он больше не отвечал на вопросы, когда обнаружила, что ее рука сжата. довольно рослым сержантом полиции, который вывел ее за дверь и направил прямо в то место, где ей не хотелось быть.

Джон Кроу боролся за контроль над своим темпераментом и почти желал, чтобы ее муж был дома, один удар по Джону, и мужчина оказался бы лежащим на спине. Он и Брайан Джонс, другой социальный работник, увели женщину от ее сына, который оказался источником знаний. Вряд ли это было этично, но к черту этику, по их мнению, любой, кто причинил боль ребенку, был чем-то, что нужно смыть с обуви.

Дэвид Томсон вытащил свой полицейский блокнот и добросовестно записывал каждую жемчужину информации, которую добровольно предоставил мальчик, Элис действительно была хороша в этом.

«О, у этого урода табель успеваемости лучше, чем у меня, так что папа сказал, что он, должно быть, жульничал, но ему пришлось ждать, пока школа не закончится летом, чтобы побить его за это».

— Твой папа часто его бьет? Элис знала, что ей действительно следовало использовать слово «урод», но назвать ребенка таким именем было слишком далеко для нее.

«О да, на Пасху я получил новую битку для крикета, и мне разрешили сломать ее, используя уродца, пока папа держал его, но мне не разрешили ударить его по лицу». Выражение разочарования на покрытом шоколадом лице мальчика вызывало отвращение.

— Кто-нибудь еще ударил Гарри?

Дадли снова проделывал это «глубоко задумавшись»: «Мама ударила урода несколько раз, и тетя Мардж натравила на него свою собаку, теперь это забавно, когда он пытался залезть на дерево со старым Потрошителем, свисающим с него».

Однако что-то беспокоило Алису. — Дадли, твой папа сказал тебе не говорить об этом?

Мальчик посмотрел на Алису, его маленькие пороссячьи глазки обвиняли ее в глупости. «Ну, конечно же, я никогда не должен говорить об этом вне дома».

Джон поставил Петунию прямо перед дверью шкафа: «Открой!» — прорычал он.

Выражение его лица заставило Петунию сломаться от любого намека на сопротивление. Она открыла висячий замок, и теперь открытый шкаф заставил их троих стоять там и чувствовать себя плохо, Джона и Брайана из-за условий внутри, а Петунию из-за того, что он был пуст.

"Где ребенок?" — спросил Брайан.

— Понятия не имею, я думал, он там. Петунья захныкала.

Джон вступил во владение: «Люди, теперь у нас есть место преступления, ничего не трогайте, пока мы не пришлем сюда команду». Он повернулся к Петунии. "Где твой муж?"

Петунья сообщила подробности, поскольку ее мозг пытался справиться с тем фактом, что все соседи увидят еще больше полицейских, входящих в ее безупречный дом. Она уловила лишь несколько слов, когда дежурный полицейский говорил по рации.

«Не рискуйте с его арестом. По телефону сказали, что этот человек был жестоким, и все улики, которые мы нашли здесь до сих пор, подтверждают это утверждение. Обвинение — подозрение в убийстве несовершеннолетнего».

Теперь у Петунии были проблемы с дыханием, но когда сержант Кроу снял наручники и сказал, что она арестована, весь ее мир стал черным.

Джон совершенно не сочувствовал женщине, теперь лежащей скорченной на полу, и, проверив, дышит ли она, надел на нее наручники. Его мысли обратились к мальчику и к тому, что может заставить семью так обращаться с кем-то. Скоро будет массовый обыск с прессой, но, судя по состоянию этого шкафа, полицейский в нем был уверен, что они будут искать тело.